

Людно было в таверне. Уезд Ушань лежал на пересечении речных путей, и новости стекались сюда со всех концов света. Один из гостей, только что вернувшийся из уезда, увлечённо делился слухами:

— Поговаривают, генерал Бэйчэнь в Чэньчжоу в ловушку угодил. Правитель Цюннани, видать, воин не робкого десятка — зажал его так, что ни вперёд податься, ни назад отступить. Слух прошёл, будто генерала ранило, да только поди разбери, правда ли то.

Свое имя или имя близкого человека расслышишь в любом шуме. Едва прозвучало имя Бэйчэнь Цина, как Ян Е вздрогнул, едва не опрокинув пиалу с чаем. Пospешно прижав её ладонью к столу, он затаил дыхание, боясь упустить хоть слово.

— Бэйчэнь Цин? — подхватил другой собеседник. — Это не тот ли воевода, что взял в жёны младшую уездную принцессу из дома князя Цэня?

— Он самый. Князь Цэнь ведь богатством на всю поднебесную славится. Когда уездную принцессу замуж выдавали, повозки с приданым, рассказывают, растянулись от самых дворцовых палат Лояна до пригородных застав. Вот уж действительно — величие и блеск!

Матушка Се, выкроив свободную минуту между делами на кухне, подошла послушать. От таких рассказов её глаза мечтательно заблестели, и она со вздохом покачала головой:

— Батюшки, сколько же добра! Разве ж вдвоём такое растратишь? Нам бы хоть тележку малую от того богатства — до конца дней нужды бы не знали.

Ян Е слушал их, стремительно бледнея. Заметив, что разговор за столом свернул на другую тему, он не выдержал, подался вперёд и тихо спросил:

— Послушайте, почтенные... А откуда слух о ранении генерала Бэйчэня? Кто об этом принёс весть?

Собеседник добродушно усмехнулся:

— Да мы сами в городе краем уха прослышали. Мало ли что болтают? Верить на слово не стоит, так, пустые разговоры.

Ян Е растерянно замолчал. В этот миг из-за прилавка донёсся едва слышный, холодный смешок. Ян Е обернулся: Лин Шу всё так же сосредоточенно склонился над конторской книгой, помечая что-то кистью. Лицо его оставалось бесстрастным, а длинные ресницы бросали тень на глаза.

И всё же Ян Е не сомневался — усмехнулся именно он.

Вскоре матушка Се подала тушёную крольчатину. Ароматное, лоснящееся золотистым жиром блюдо мигом заставило всех за столом шумно сглотнуть слюну, однако Ян Е кусок не шёл в

горло.

С тех пор как они укрылись в этих горах, такое случилось впервые — он отказался от мяса.

Ночью, уже вернувшись в свою лесную обитель и улегшись в постель, Ян Е никак не мог уснуть. Он то и дело ворочался с боку на бок, лишая покоя и Лин Шу, пока тот наконец не бросил раздражённо:

— Да что с тобой? Не спится — ступай дрова коли, нечего тут возиться.

Ян Е помедлил, а затем негромко произнёс:

— Юньци ранен.

Лин Шу даже подивился его дерзости — помянуть Бэйчэнь Цина прямо при нём.

— Ранен? — холодно отозвался он. — С его-то хвалёной доблестью — и ранен? Такие, как он, не страдают. Они лишь заставляют страдать других.

— Не говори так, — виновато забормотал Ян Е. — Юньци на самом деле несчастен.

Лин Шу лишь пренебрежительно фыркнул в ответ. Тогда Ян Е придвинулся ближе, положил голову ему на плечо и принялся вполголоса рассказывать: и о том, как безответны оказались чувства Юньци, и как его принудили к женитьбе, и как тот, спасаясь от сердечной тоски, выпросил позволение повести войска на юг. Лин Шу выслушал всё без единого вздоха, а затем безучастно обронил:

— У каждого ничтожества есть оправдание. Сам себя сгубил, туда ему и дорога.

Ян Е в досаде ущипнул его за плечо:

— Не мели чушь! Если не считать того случая, когда ему пришлось столкнуть тебя в реку, он и мухи не обидел. Грехов на нём куда меньше, чем на мне, да и на тебе тоже.

— К чему тогда клонишь? Говори прямо, чего хочешь, — отозвался Лин Шу.

Ян Е притих. Спустя мгновение Лин Шу добавил:

— Язык проглотил? Что ж, давай я решу за тебя. Собирай пожитки да поезжай к своему генералу.

Ян Е испуганно обхватил его руками, уткнулся носом в тёплую шею и зашептал, ластясь:

— Ну уж нет, я тебя ни на шаг не оставлю! Ежели нас судьба разлучит ещё хоть раз, я точно не выживу.

Лин Шу лишь фыркнул, отворачиваясь. Почувствовав, что любимый не отталкивает его окончательно, Ян Е покрепче обнял его за талию и заворковал пуще прежнего:

— Чэньчжоу ведь отсюда рукой подать. Давай съездим ненадолго, проведем его — и сразу назад? Обещаю, он тебя пальцем не тронет. Помнишь, в прошлом году, когда я с ног сбился, разыскивая тебя по всей стране, именно Юньци разузнал, где ты прячешься, и тайно весточку мне в столицу передал. Не будь его — не нашёл бы я тебя. Выходит, он сам вернул тебе меня, целого и невредимого! Так неужто мы теперь, когда он ранен, не можем отплатить ему малой заботой? Это ведь честно!

— Отличный план, — язвительно бросил Лин Шу. — Стоит мне согласиться, как наше «просто поглядим издали» обернётся тем, что ты увидишь своего побитого генерала в унынии, не выдержишь и бросишься к нему на шею со слезами. Твой венценосный братец в столице тут же прознает об этом, пришлёт гвардейцев, чтобы вернуть тебя в лоно семьи, а заодно подошлёт убийц выпустить мне кишки. И воротитесь вы в Чанъань под фанфары. Созвездие Убийства, Разрушения и Алчности воссоединится на радость предкам, а Одинокая звезда Небесного Демона, то бишь я, сгинет во цвете лет, не выдержав натиска судьбы!

Он резко повернулся к Ян Е, и его узкие глаза гневно блеснули во тьме:

— Не дождётесь! Не поеду я никуда, да и умирать не собираюсь. Хочешь — катись один, только назад дороги не будет.

Ян Е оторопел, а затем, поймав момент, звонко чмокнул его в щёку и приторно-сладким голосом зачастил:

— Глядите-ка, как мы за жизнь цепляться стали! Неужто так полюбились наши тихие, уютные деньки со мной? — Не дождавшись ответа, он довольно хмыкнул: — Будем считать, промолчал — значит, согласился. И не бойся ты моего брата-императора. Когда я уезжал из столицы, мы с ним разругались в пух и прах. Он прилюдно объявил, что знать меня больше не желает, так что силком меня в Чанъань никто возвращать не станет.

— Кто поверит твоим басням? — хмыкнул Лин Шу. — Я ведь не глупый, поспрашивал людей. Да давеча твой венценосный брат мог кричать сколько угодно, да только усадьбу твою в столице по сей день никто не тронул, земли за тобой числятся, да и титула тебя никто не лишал. Коли он не ждёт твоего возвращения, голову даю на отсечение! Думаешь, я не смыслю в ваших играх? На людях — непримиримая вражда, а за кулисами давно обо всём сговорились. Это я здесь чужак, так что мне ухо остро держать надобно.

При одном лишь упоминании Ян Си в душе его вскипала застарелая обида. Лин Шу, обычно не тративший слова попусту, на сей раз не удержался от колкостей, вставляя в речь самые едкие подозрения.

Вскипев от досады, Ян Е навалился на него всем телом, прижал за плечи к постели и сердито выдохнул прямо в губы:

— Что за чушь ты несёшь? С чего ты взял подобное? Когда ты в Верховном суде служил, без

улик и шагу ступить не смел, а теперь языком мелешь, будто базарная торговка! Эх, господин Левый заместитель судьи Верховного суда, совсем ты хватку потерял, опустился!

От тяжести его тела Лин Шу зашёлся кашлем. Ян Е тут же испуганно скатился в сторону, заботливо укутал его одеялом по самые уши, прижал к себе и притворно вздохнул:

— Вот тебе и кара небесная за злые речи!

Устроившись поудобнее на спине, Ян Е немного подумал и вдруг снова довольно заулыбался:

— Всё ясно. Ты просто ревнуешь. Боишься, что я сбегу.

— Чушь, — отрезал Лин Шу.

— А если нет, то чего ради ты всполошился из-за одного упоминания Бэйчэнь Цина? Вон какую драму разыграл!

Собеседник промолчал. Ян Е вздохнул и примирительно похлопал его по плечу:

— Ладно, спи уже. Будет об этом.

На следующий день Ян Е усердно трудился бок о бок с Лин Шу, словно и впрямь забыв о ночном споре. Однако его непривычная притихшая печаль, сквозившая в каждом движении, больно колола Лин Шу сердце. Прошло четыре дня. Прежде неугомонный, весёлый Ян Е угасал на глазах, становясь молчаливее с каждым часом. На пятый вечер Лин Шу не выдержал. Он сам собрал дорожный узелок, уложил у изголовья постели и негромко произнёс:

— Езжай к нему. Проведай.

— Нет, я без тебя никуда не поеду, — покачал головой Ян Е. Он искоса, словно нашкодивший пёс, взглянул на него и тут же беззастенчиво прильнул всем телом: — Поехали вместе? А уж я сегодня ночью так расстараясь для тебя — вовек не забудешь!

Лин Шу попытался оттолкнуть его, да где там:

— Обойдусь без твоих услуг! Пусти!

— А вот и не пущу, — шутливо отозвался Ян Е, цепляясь крепче. — Ублажу тебя как следует, а завтра отправимся в путь.

Так и возились до глубокой ночи. Стоило Лин Шу хоть немного перевести дух, как Ян Е бережно брал его лицо в ладони и с замиранием сердца заглядывал в глаза:

— Ну как, угодил? Поедешь со мной?

— Нет.

— Значит, плохо старался. Прости мою неумелость, давай сначала.

— Хватит... И никуда я не поеду.

— Раз просишь пощады, значит — доволен! Стало быть, завтра выступаем.

— Вовсе... вовсе нет...

— Что ж, тогда продолжим.

— Смилуйся, Ян Е! Оставь меня в покое!

Ян Е приподнял его голову, заставляя смотреть на себя. Их волосы перепутались, дыхание смешалось, а разгорячённые тела сплелись так тесно, будто стремились стать единым целым. Ян Е прижался губами к его уху и тихо, но твёрдо прошептал:

— За столько лет ты ведь успел меня узнать. В прошлый раз я проявил непростительную глупость. Но теперь клянусь: если кто-то вновь посмеет нас разлучить, я умру у них на глазах. Слово маркиза.

Наутро они собрали вещи и спустились в долину, доверив винокурню заботам семейства Сяо Шаньцзы. Купив на рынке двух крепких коней, они без лишнего шума двинулись на юг — туда, где стояли лагерем полки Бэйчэнь Цина.

Сяо Шаньцзы с родителями провожали их до самой околицы и долго смотрели вслед, пока дорожная пыль не скрыла всадников из виду. На обратном пути матушка Се без умолку ворчала:

— Вот чуяло моё сердце, не к добру этот барин у нас объявился! Сбил-таки твоего названного брата с пути истинного, увёл невесть куда. И когда теперь воротятся — один бог знает. Эх...

Чэньчжоу лежал на стыке владений Да Янь и Цюннани, в живописном краю, где сходились хребты Наньлин и Лосяо. Город утопал в зелени поросших лесом холмов, а изумрудные речные воды лениво огибали крепостные валы. Прежде эти земли принадлежали южному царству, но Бэйчэнь Цин отбил их в честном бою, превратив город в надёжный оплот для наступающей имперской армии.

Путь выдался неблизким. Лишь три недели спустя всадники осадили коней перед воротами Чэньчжоу. Из-за военного положения стража досматривала каждого путника с особым пристрастием. Переглянувшись с Ян Е, Лин Шу негромко предложил:

— Давай дождёмся сумерек. Проведаем его под покровом темноты — и сразу назад.

Ян Е смущённо качнул головой и пробормотал:

— Ну... разве ж одного раза хватит?

— И сколько же встреч тебе надобно? — прищурился Лин Шу.

— Да хотя бы пообедать разок-другой вместе, — заискивающе улыбнулся Ян Е и осторожно направил коня к воротам.

— Я с ним за один стол не сяду, — буркнул Лин Шу, однако послушно последовал за ним.

Надвратную башню в тот день охранял старый соратник Бэйчэнь Цина. Завидев приближающегося всадника, он сперва не поверил своим глазам, а опознав в нём князя Хуая, так и обомлел. Придя в себя, он зычно закричал подчинённым:

— Скорее сообщите генералу! Прибыл князь Хуай! Открывайте ворота!

Едва минуло несколько минут, как створки распахнулись и навстречу им вылетел конный отряд во главе с самим Бэйчэнь Цином. Но стоило генералу заметить маячившего позади Ян Е спутника, как он резко осадил скакуна.

Остановив взмыленного коня, Бэйчэнь Цин спешился и, сделав несколько шагов навстречу, тихо окликнул его:

— Сяо Лан... Как ты?

Ян Е искоса глянул на Лин Шу. Тот стоял, безучастно скрестив руки на груди, устремив взор куда-то вдаль, словно происходящее его ничуть не трогало. Не сдержавшись, Ян Е сорвался с места, подбежал к другу и с такой силой кинулся ему на шею, что рослый генерал покачнулся.

— Юньци! — горячо воскликнул Ян Е. — Как же я соскучился!

Бэйчэнь Цин бережно похлопал его по спине, отстранил и с улыбкой оглядел с ног до головы:

— А ты возмужал, округлился. И румянец вон какой здоровый появился.

— Это всё от праздной жизни, — рассмеялся Ян Е. — Зато ты совсем исхудал в походах. Мы в Ушани прослышали, будто тебя ранило. Куда пришёлся удар? Серьёзно ли?

Год непрестанных сражений оставил след на лице генерала: он заметно осунулся и сильно обгорел под южным солнцем.

— Пустяки, всё давно затянулось, — мягко ответил Бэйчэнь Цин. — Изнуряет здешняя духота, никак к ней не привыкну, оттого и сбросил вес. Я уже велел приготовить для вас покои. Оставайтесь подольше, отдохните с дороги.

Будучи человеком чутким и деликатным, он заметил, что Лин Шу держится в стороне и подходить близко не намерен.

— Сделаем так, — негромко добавил он. — Я сейчас вернусь в управу, а мои гвардейцы проводят вас. Обустраивайся, помогай господину Лин устроиться поудобнее, а как освободишься — приходи ко мне, поужинаем, поговорим спокойно.

Ян Е признательно кивнул:

— Характер у него, сам видишь, не сахар — до сих пор дуется. Но то, что он вообще согласился приехать, уже чудо. Ты уж не серчай на него.

— Понимаю, — тепло улыбнулся генерал. — Пред ним моя вина велика, так что обижается он заслуженно. Будет тебе, не шепчись, не то ещё расслышит.

Чтобы избавить спутников от неловкости, Бэйчэнь Цин первым увёл свой отряд в город.

Их устроили в уединённом флигеле при генеральской резиденции. Слуги отвели им две просторные комнаты по соседству, но Ян Е, не дожидаясь лишних расспросов, велел перенести свои постельные принадлежности к Лин Шу. Гвардейцы лишь молча переглядывались, сиюсь скрыть изумление, но хозяевам положения не было дела до чужих пересудов. Так они и обосновались под одной крышей — открыто и без стеснения.

Вечером Бэйчэнь Цин велел накрыть богатый стол. Пригубив вина, Ян Е первым нарушил молчание:

— Офицеры твои хвастались, уездная принцесса подарила тебе наследника. Поздравляю от всего сердца!

— Благодарю... Хоть и не знаю, заслужил ли такое счастье, — неловко улыбнулся Бэйчэнь Цин.

— Да чего тут стыдиться? — отмахнулся Ян Е. — Я вон и вовсе продолжить род не способен, однако ж сплю спокойно. Рассказывай лучше, как дела на фронте? Скоро ли падёт Цюннань?

— Непросто всё, — покачал головой генерал. — Войско Цюннани уступает нашему числом, но их оберегают сами горы Наньлин. Ущелья там дикие, тропы запутанные — настоящая природная крепость. Поначалу мы лихо продвигались вперёд, отвоевали немало застав. Да только чем дальше на юг, тем тяжелее людям: климат тут сырой, непривычный, солдаты один за другим валятся с лихорадкой. Приходится выжидать, пока полки окрепнут да освоятся на новой земле. Я ведь тоже не просто так выпросил этот поход. Даже если суждено сложить здесь голову — я обязан покорить Цюннань. Сейчас ишу удобный случай, чтобы навязать им генеральное сражение. Коли одолеем врага, империя прирастёт тысячей ли плодородных земель, а главное — мы откроем прямой путь к южным портам. Торговля жемчугом, самоцветами да черепашьям панцирем принесёт казне баснословную прибыль. За такое не жаль и побороться.

<http://bllate.org/book/19546/1998875>